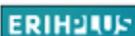

Тростина М. А. Трикстер «дама подшофе» в фольклоре таксистов / М. А. Тростина, О. Ю. Осьмухина // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 1. — С. 296—312. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-1-296-312.

Trostina, M. A., Osmukhina, O. Yu. (2022). Trickster “Tippy Lady” in Folklore of Taxi Drivers. *Nauchnyi dialog*, 11(1): 296-312. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-1-296-312. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-1-296-312

Трикстер «дама подшофе» в фольклоре таксистов

Тростина Марина Александровна
orcid.org/0000-0001-6905-5438
кандидат филологических наук, доцент
кафедра русской и зарубежной
литературы
trostina@mail.ru

Осьмухина Ольга Юрьевна
orcid.org/0000-0002-1456-4793
доктор филологических наук,
профессор
заведующий кафедрой
русской и зарубежной литературы
osmukhina@inbox.ru

Национальный исследовательский
Мордовский государственный
университет им. Н. П. Огарева
(Саранск, Россия)

Trickster “Tippy Lady” in Folklore of Taxi Drivers

Marina A. Trostina
orcid.org/0000-0001-6905-5438
PhD in Philology, Associate Professor
Department of Russian and Foreign
Literature
trostina@mail.ru

Olga Yu. Osmukhina
orcid.org/0000-0002-1456-4793
Doctor of Philology, Professor
Head of the Department
of Russian and Foreign Literature
osmukhina@inbox.ru

National Research Ogarev
Mordovia State University
(Saransk, Russia)

© Тростина М. А., Осьмухина О. Ю., 2022

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Исследуются характерные черты трикстера «дама подшофе», сформировавшегося в фольклоре водителей такси. Авторы рассматривают современный тип героя-плута, выступающего в роли подвыпившей пассажирки такси и представляющего собой комического асоциального персонажа, выполняющего одновременно разрушительную и созидательную функции. На основе анализа аутентичного материала городского фольклора (фольклора водителей такси) авторы настоящего исследования впервые выделили основные черты, определяющие указанный тип. Показано, что посредством внесения в «чужую» среду (сферу «обитания» таксистов) дисгармонии и хаоса, трикстер «дама подшофе» пытается самоутвердиться в ней. Отмечается, что героине устных рассказов и баек свойственно нежелание и неспособность изменить свое поведение, нарушающее общепринятые моральные нормы. Утверждается, что трикстер «дама подшофе» выполняет функцию проводника между социальными мирами. Установлено, что она демонстрирует животное начало (похоть), присущее представителям «первобытного мира». Доказано, что трикстер «дама подшофе» пребывает в состоянии игры и, наконец, соединяет противоречивые качества — вызывающую самоуверенность, с одной стороны, и беззащитность, с другой. В своей работе авторы статьи использовали историко-генетический, структурно-типологический методы, а также многоуровневый функциональный анализ фольклорного текста.

Ключевые слова:

трикстер; дама подшофе; фольклор таксистов; комический герой; устный рассказ; байка.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The characteristic features of the trickster “tipsy lady”, formed in the folklore of taxi drivers, are investigated. The authors consider the modern type of rogue character, who plays the role of a tipsy taxi passenger and is a comic asocial character that performs both destructive and creative functions. Based on the analysis of the authentic material of urban folklore (the folklore of taxi drivers), the authors of this study for the first time identified the main features that determine this type. It is shown that by introducing disharmony and chaos into the “foreign” environment (the sphere of “habitation” of taxi drivers), the trickster “tipsy lady” tries to assert herself in it. It is noted that the character of oral stories and tales is characterized by unwillingness and inability to change her behavior that violates generally accepted moral norms. It is argued that the trickster “tipsy lady” performs the function of a conductor between social worlds. It has been established that she demonstrates the animal nature (lust) inherent in the representatives of the “primitive world”. It has been proven that the trickster “tipsy lady” is in a state of play and, finally, combines contradictory qualities — defiant self-confidence, on the one hand, and defenselessness, on the other. In their work, the authors of the article used historical-genetic, structural-typological methods, as well as a multi-level functional analysis of the folklore text.

Key words:

trickster; tipsy lady; folklore of taxi drivers; comic hero; oral story; tale.

Трикстер «дама подшофе» в фольклоре таксистов

© Тростина М. А., Осьмухина О. Ю., 2022

1. Введение = Introduction

В мировом фольклоре широко известны сюжеты о трикстерах, примечательные своей авантюричностью, комизмом, незаурядностью ситуаций. Определение трикстера (англ. *trickster* — обманщик, ловкач) получает в них «двойник-антипод» культурного героя, «наделенный комплексом негероических, зачастую прямо комических свойств: деструктивной инициативой, ленью, хитростью, глупостью, способностью обманывать и становиться жертвой обмана» [Тамарченко, 2008, с. 271]. Трикстером называют героя, который «не знает ни добра, ни зла, хотя и несет ответственность и за то, и за другое» [Радин, 1999, с. 21], при этом он «появляется для создания новых устоев, правил, традиций, но вынужден разрушить <...> старые, внося элементы хаоса в привычный ход жизни» [Петрова и др., 2018, с. 223].

Своим происхождением трикстер, вероятнее всего, «обязан» мифологическому культурному герою, который наряду с созидательной деятельностью имел свойство совершать и «неблаговидные поступки», по мнению Е. М. Мелетинского, «действовал в эпоху творения» и служил людям «как бы в назидание, давая примеры и того, “как надо”, и того, “как нельзя”» [Мелетинский, 1958, с. 115]. Ученый отмечает, что в XIX—XX веках мифы о культурных героях «чаще рассказываются с развлекательной целью, и сами они становятся первыми литературными персонажами народно-поэтического творчества» [Там же, с. 116]. На основе анализа фольклора разных народов Е. М. Мелетинский приходит к выводу о значимой роли образа культурного героя для развития не только героического, но и комического эпоса. Обозначенный ученым тип мифологического плутозорника и является, на наш взгляд, «прародителем» современных трикстеров — героев, демонстративно нарушающих границы дозволенного и совмещающих в себе весьма противоречивые качества.

В роли трикстеров в мифологии и традиционном фольклоре выступают божества, природные духи, животные и сами люди, действующие инстинктивно, руководствуясь собственными страстями, и не подчиняющиеся общим правилам поведения [Гаврилов, 2005; Даркевич, 1988; Мелетинский, 1976; Пропп, 1986; Фрейденбетг, 1997; Hyde, 2010]. «Трикстер символизирует отдельную от существования духа жизнь тела, а основные его ха-

раактеристики — это отрицательные стороны Героя (социума), его обратная сторона. Основные преимущества трикстера — это гипертрофированные человеческие слабости, — справедливо подчеркивает С. Троицкий [Троицкий, 2008, с. 103]. Подобный вызов общественным нравам осуществляется не во имя зла, а ради игры и собственного удовольствия, какое получает, к примеру, леший, уводящий за собой путника поплутать по лесу (былички о лешем), или дурак, случайно убивший свою мать и обогатившийся в результате манипуляций с ее мертвым телом (сказка «Мертвое тело»).

В современном культурном пространстве трикстеры и все, что с ними связано, стали пользоваться особой популярностью: «Они веселят людей своими неординарными выходками, зачастую являются не только отрицательными, но и положительными героями, их могут брать как образец для подражания, поскольку их намерения часто связаны с борьбой за хорошую жизнь» [Магазинова, 2018, с. 39]. Развитие науки и техники, виртуализация различных типов дискурса, активное использование компьютерных технологий в кинематографии и мультипликации, интенсивное развитие комиксовой индустрии отвечают зрительским «пристрастиям» к разного рода «страшилкам», «фэнтези», «триллерам», а вместе с ними и к креативному персонажу, смело вступающему в борьбу со скучным и примитивным миром (не случайно, к примеру, в хорошо известной киновселенной Marvel именно Локи в ряде фильмов о мстителях выступает на первый план).

Объект нашего исследования — «дама подшофе» как персонаж с чертами трикстера, сформировавшийся в фольклоре водителей такси. В связи с актуализацией интереса отечественной гуманитарной науки к творчеству профессиональных сообществ [Ахраменко, 2013; Тростина, 2020; Щепанская, 2006] обращение к устной прозе таксистов представляется весьма перспективным и своевременным, поскольку данная профессия имеет глубокие исторические корни, сложившуюся устойчивую систему ценностей и смыслов трудовой деятельности, отраженную в фольклоре. Научная новизна настоящей статьи состоит в том, что предпринятый впервые комплексный анализ фольклорных текстов, бытующих в репертуаре представителей этой профессии, позволит расширить научное представление о принципиально новых персонажах современного городского фольклора, эволюции героя-трикстера и его разновидностях в реалиях постиндустриального мира, проследить направления и пути трансформации традиционных представлений и формирования так называемой «новой мифологии» в целом.

2. Материал, методы, обзор = Material, methods, review

Материал исследования составили устные рассказы, анекдоты и байки, собранные преподавателями, аспирантами и студентами Мордовско-

го государственного университета в службах такси «Яндекс», «Везёт» и «Максим» города Саранска в 2019—2020 годы.

В своей статье авторы использовали историко-генетический, структурно-типологический методы, а также многоуровневый функциональный анализ фольклорного текста.

Образ трикстера в мировой культуре впервые был проанализирован П. Радином, Г. Юнгом, К. Кереньи [Радин, 1999; Юнг, 1991, 1999; Кереньи, 1999]. Выявляя «наиболее раннюю и архаичную» форму трикстера у индейцев, П. Радин определяет архетипические черты, свойственные герою как «творцу и разрушителю, дающему и отвергающему, обманщику и жертве обмана» [Радин, 1999, с. 7], и мотивирует его действия жадой протеста против несовершенного и дисгармоничного мира. Вслед за П. Радином К. Кереньи расширяет горизонты поиска, обратившись к исследованию древнегреческих мифов, в которых находит множество параллельных индейским образам и указывает при этом на «вневременную» природу Трикстера, являющего собой «корень всех плутовских созданий мировой литературы, охватывающий все времена и культуры» [Кереньи, 1999, с. 246]. Анализируя психологию трикстера, К. Г. Юнг развивает мысль об универсальности и многоликости героя, который может выступать одновременно «предшественником спасителя», «и, подобно ему, он одновременно Бог, человек и животное. Он и недочеловек, и сверхчеловек, бестия и божество, а самая главная и бросающаяся в глаза его черта — его бессознательность» [Юнг, 1999, с. 276]. Психоаналитическая трактовка К. Г. Юнга подразумевает столкновение «высшего сознания» с «автономией мифологического образа», что способствует обретению «средины» в «полярной структуре души» [Юнг, 1996, с. 353—356]. Ученый указывает и на важное свойство персонажей-трикстеров: «Они не имеют конкретного происхождения, воспроизводят себя в любое время или в любой части мира» [Юнг, 1991, с. 63]. Исследователь намечает широкие перспективы для дальнейшего осмысления этого архетипа западными культурологами и философами, в том числе постюнгианцами [Васоск-Abrahams, 1975; Hyde, 2010; Hynes, 1993; Tannen, 2007].

Важные выводы о трикстере как двойнике культурного героя были сделаны М. М. Бахтиным, Д. С. Лихачевым, Е. М. Мелетинским, О. М. Фрейденом [Бахтин, 1990; Лихачев, 1976; Мелетинский, 1958, 1976; Фрейденом, 1997]. В конце XX столетия в ряде исследований российских ученых развиваются идеи предшественников о функциональной роли трикстера в русском фольклоре, где он амбивалентен в отношении к радостям жизни и этическим нормам и нередко связан со смеховой стихией [Топоров, 1987; Беденко, 2005; Гаврилов, 2005, 2006; Петрова, 2018].

Активный научный интерес к трикстеру как культурному герою вызван сменой социально-культурных эпох и мировоззренческих парадигм [Гаврилов, 2006]. В центре внимания современных исследователей оказались характерные особенности трикстеров и функционирование их инвариантов в пространстве мифа [Ершов, 2020]; феномен трикстерства, представленный в русской сказочной прозе [Гекман, 2010]; коммуникативные черты трикстера [Петрова, 2018]; типы трикстеров и связанные с ними сюжеты в мифологиях разных народов [Березкин, 2003]; общие закономерности бытования этого архетипа в литературе [Комиссарова, 2019; Осьмухина, 2016] и культуре [Самойлова, 2013] и т. д.

Очевидно, что диапазон исследовательских поисков достаточно обширен, что обусловлено, на наш взгляд, не только неоднозначностью самого трикстера как универсального типа мифического персонажа, но и широтой спектра явлений, относящихся к трикстеру в художественной словесности, а также явственной эволюцией трикстера, в результате которой его облик преобразуется и трансформируется и в литературе, и в городском фольклоре, о чем наглядно свидетельствуют, например, устные рассказы, анекдоты, байки таксистов.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Фольклор водителей такси в контексте специфики профессии

Напомним, что в России генетические истоки профессии таксиста восходят примерно к XVI—XVII векам, когда в результате расширения культурно-экономических связей между городами и ростом самих городов стали широко востребованными услуги ямщиков — так называли кучеров, перевозивших людей, почтовую корреспонденцию, грузы на дальние расстояния. В XVII веке ямщики официально были зачислены на государственную службу, после определения на которую они отселялись в «ямы» — отдельные поселки или городские слободы. Места, где жили ямщики, сохранились в топонимике до наших дней.

В XIX — начале XX веков в городах популярностью пользовались услуги извозчиков — людей, подрабатывавших извозом на взятом внаем или собственном экипаже. В отличие от современных таксистов цену они назначали сами.

Точная дата рождения российского такси не установлена, но известно, что в 1906 году первый наемный автомобиль со счетчиком-таксометром был зарегистрирован в Санкт-Петербурге. В Москве «Товарищество Автомобильного Передвижения» (ТАП) было основано в 1909 году, начав свою деятельность с четырех автомобилей.

В наши дни такси — незаменимый вид не только городского, но и сельского пассажирского транспорта. Условия труда современных таксистов в сравнении с их предшественниками существенно изменились, но сама специфика профессии остается стабильной и определяется такими факторами, как рискогенность, тяжелые физические нагрузки, ненормированный рабочий день и др. Помимо необходимого набора профессиональных данных (умение концентрировать внимание, отличная координация движений, хорошо развитая реакция и интуиция, физическая выносливость, эмоциональная стабильность), водитель должен обладать хорошими коммуникативными навыками, быть способным поддерживать разговор, а зачастую, во избежание непредвиденных ситуаций, выступать в роли психолога, актера, а нередко и духовника, поскольку в процессе трудовой деятельности ему ежедневно приходится сталкиваться с людьми, воспринимающими поездку в такси как отдельный эпизод, своеобразное приключение, временный переход в «чужой мир», в котором можно выступить в маске шута, жертвы, обвинителя и т. д. Водителю в таких ситуациях приходится либо «подыгрывать» герою, либо оставаться на сцене самим собой, либо играть по своим правилам.

В фольклоре таксистов, равно как и в любом другом профессиональном фольклоре, находят отражение сложившиеся внутри сообщества представления об окружающем мире, отношение к профессии и потребителям услуг. Рассматриваемый нами феномен — «дама подшофе» — функционирует в водительских рассказах, приметах и афоризмах. Ввиду отсутствия фольклорного материала предшествующих десятилетий мы можем лишь предположить, что подобный персонаж вплоть до последней трети XX века был скорее исключительным, нежели типическим, в силу объективных причин: недоступность этого вида транспорта средним слоям населения, строгие моральные нормы поведения женщины в обществе, иные формы проведения досуга в эпоху социализма и т. д. Вместе с тем общеизвестная поговорка «Баба с возу — кобыле легче» свидетельствует об устойчиво сформировавшемся у водителей любого транспорта отношении к женщине-пассажирке как представительнице слабого пола, которому, согласно библейской версии, приписывается роль в начале крушения мировой гармонии.

3.2. «Дама подшофе» в фольклоре профессионального сообщества таксистов начала XXI века

В первые десятилетия XXI века в связи с ростом популярности и общедоступностью этого вида городского транспорта, а также со сменой нравственных ориентиров, непрекращающимся процессом женской эман-

сипации «дама подшофе» стала ежедневным клиентом в службе такси и приняла статус надоедливой и непредсказуемой пассажирки, от которого не следует ожидать ничего хорошего, что подтверждается приметам и суевериями водителей (исключение составляет традиционная примета о женщине, переходящей дорогу с полными ведрами). Таксисты, к примеру, стараются не брать женщину в качестве первого пассажира, поскольку день может сложиться неудачно и бесприбыльно (Зап. от Игошина А. Ю., 1973 г.р.); не рекомендуется сажать в такси женщину, голосующую на обочине дороги, — оплата будет низкой или ее не будет вообще (Зап. от Ежова С. Н., 1966 г.р.); если пассажирка в дорогой шубе, то чаевых ждать не следует, напротив, она будет придирается ко всякой мелочи (Зап. от Канаева О. В., 1977 г.р.) [АА].

Образ «дамы подшофе» (происхождение выражения связывается с французским причастием *chauffe* — «нагретый, подогретый алкоголем») весьма популярен в устных рассказах (байках) водителей городского транспорта. Центральным в них выступает мотив встречи, в самом начале которой становится ясно, что клиентка своим появлением нарушает гармонию таксистского бытия: *Кароче, была ситуация с яжмать. Как-то подъезжаю за заказом во двор. Стою. Подходит Шальная Императрица ...* (Зап. от Козлова А. А., 1968 г.р.) [Там же]. В ходе повествования героиня-нарушительнице отводится активная роль: дама берет инициативу в свои руки (*Просьба у неё была такая интересная — найти, где купить пива. Норм, сделаем, обычная ситуэйшен. Далее отвезти не по адресу, а к мосту через речку (Ахтубой зовётся), потом подождать, пока она выпьет, и тогда уезжать* (Информант пожелал остаться неизвестным) [Там же]), определяет траекторию движения (*Тормозни у вон того магазина, я доплачу. Потом дальше поедем* (Зап. от Канаева О. В., 1977 г.р.) [Там же]), дает советы (*Вам этот джемпер совсем не идет. Носите что-нибудь поярче* (Зап. от Игошина А. Ю., 1973 г.р.) [Там же]), предъявляет претензии (*Почему машина грязная и дверка туго открывается* (Зап. от Никитина К. С., 1956 г.р.) [Там же]; *Надо было предупредить, что багажник занят* (Зап. от Игошина А. Ю., 1973 г.р.) [Там же]), высказывает недовольство (*Боже, как воняет ваш одеколон!* (Зап. от Никитина К. С., 1956 г.р.) [Там же]), занимается рукоприкладством: *Как *банет мне подзатыльник ...* (Зап. от Игошина А. Ю., 1973 г.р.) [Там же] и т. д. Тем самым она протестует против дисгармонии чужого для нее мира, пытаясь установить в нем порядок в соответствии со своими представлениями.

Кульминацией таких повествований становится потеря таксистом самообладания: *Больше я не выдержал. Послал ее далеко и надолго, силой выпихнул из машины и уехал. Пусть жалуется, куда хочет* (Зап. от Иго-

шина А. Ю., 1973 г.р.); *А я не поеду с вашей Маришей, — отвечаю ей я, — поэтому ситуация предельно ясна — никто никуда не едет ... Покиньте мою машину ...* (Зап. от Никитина К. С., 1956 г.р.) [Там же]. Также кульминацией может стать неожиданная выходка пассажирки: например, попытка дамы, столкнувшейся с нежеланием мужчины играть по ее правилам, добиться своего при помощи денег: *Тут она достаёт 1000 рублей, кидает на панель и добавляет: «Сдача твоя»* (Зап. от Никитина К. С., 1956 г.р.); *Ну, она и говорит: «На бережной с тобой постоим, у меня 6 тысяч есть»* (Зап. от Игошина А. Ю., 1973 г.р.) [Там же].

Конфликт, как правило, разрешается расставанием оппонентов, не сумевших найти взаимопонимание. Причем, несмотря на восстановление прежних границ своего пространства, рассказчик за напускным пренебрежением не всегда удачно скрывает оставленное дамой двойное впечатление: она вывела его из душевного равновесия, привела в состояние раздражения, но и заинтересовала, подтолкнула к самоанализу, преподнесла урок.

3.3. Характерные особенности трикстера в «даме подшофе»

Поскольку вопрос об универсальной системе признаков трикстера вплоть до настоящего времени остаётся открытым и дискуссионным, при анализе образа «дамы подшофе» мы будем опираться на классификацию Д. А. Гаврилова, обозначившего семь основных черт архетипа трикстера [Гаврилов, 2006, с. 166—178].

Во-первых, пассажир — «дама подшофе» — вносит своим появлением в сферу «обитания» таксиста дисгармонию, хаос, беспокойство: *Помню, пьяная женщина садится в такси. Я спрашиваю ее, мол, куда едем. А она мне в ответку: «Не твое дело, козел!» Хоть стой, хоть падай. У меня аж челюсть отвисла. Оклемался и вышвырнул ее из машины. Нахер надо таких цац возить* (Зап. от Игошина А. Ю., 1973 г.р.) [Там же].

Во-вторых, дама не принимает замечаний, не способна отреагировать на них правильным образом и изменить свое поведение, нарушающее общепринятые моральные нормы. Негативное отношение к подвыпившим представительницам слабого пола передается в таксистских рассказах с помощью убедительных сравнений. Обращение к клятвам позволяет рассказчикам выглядеть правдивыми и заслуживающими сочувствия: *Зубом последним клянусь, десантников в их праздники возить не так рискованно, как развозить баб после восьмимартовских корпоративов. В этом году вообще чудом ушёл* (Зап. от Канаева О. В., 1977 г.р.) [Там же]. Информанты не скупятся на образные определения нарушителей таксистской гармонии, используя распространенные в народной среде фразеологизмы: *Поступает заказ, значит. Приезжаю. Три подруги стоят практически домиком, лыка не вяжут, ма-*

теряться покруче любого из моих друганов (Зап. от Родькина Д. С., 1986 г.р.) [Там же]. Дамы-трикстеры ведут себя в святая святых автомобилиста вызывающе, сознательно демонстрируя пренебрежение к строгим правилам и запретам, определяющим порядок проезда в общественном транспорте. Они чувствуют себя хозяевами ситуации, а таксист для них олицетворяет одновременно наемного работника (*мы тебе деньги платим*) и ненавистного представителя мужского пола, отношение к которому обнаружится открыто (*Расположились на заднем сиденье, достали из сумки мартини и прямо на ходу начали «догоняться». Со всем вот этим бабским трёпом про мужей-козлов, любовников-козлов, коллег-козлов — короче, куда ни плюнь — в козла попадёшь*) (Зап. от Ежова С. Н., 1966 г.р.) [Там же].

По мнению всех информантов, противостоять клиентам-женщинам сложно и почти бессмысленно. Сообщать в полицию о нарушениях со стороны слабого пола недостойно мужчины (*смеяться будут, скажут, с бабами не справился*), замечания в их адрес чаще всего вызывают бурные истерики и оскорбления (*«Давай рули, козёл», — ответили барышни*), да и наряду с внутренним протестом в глубине души водители чувствуют жалость и сострадание к своим «веселым» пассажирам (*смотрю на нее и думаю: болей ведь завтра будет ... вот дура!*) и поэтому действуют больше в целях самозащиты и на всякий случай: *«Девушки, в такси употреблять спиртные напитки запрещается», — говорю я, хотя и вижу, что это совершенно бесполезно. Но мне предупредить пассажиров в любом случае надо, чтобы на камере потом было, что это не с моего одобрения они на заднем сиденье вахханалию устроили* (Зап. от Ежова С. Н., 1966 г.р.) [Там же].

В-третьих, «подвыпившая дамочка» выступает своего рода проводником между социальными мирами, «способствует обмену культурными ценностями между ними и переводу информации» из незнакомого и чуждого «своего» мира в обыденный «свой» мир таксиста: *Села женщина возрастом около 40-ка, выпившая, но не в ***... Попросила поставить музыку. Поинтересовался, что она предпочитает?*

— *А поставь, братишка, мне шансон! Что-нибудь такое ... Душевное ...*

Шансон? Есть у меня!!! Сам как бы не заслушиваюсь, но вот для таких случаев на флешке держу. Ставлю Инну Вальтер и сквозь музыку слышу всхлипывания.

— *У Вас всё нормально?*

— *Ой, братишка ... От души! Спасибо! Уважил! Это про меня ... Это про мою молодость ... Я же среди воров выросла и жизнь такую прожила ...*

Проехала на 67, а дала сверху 100 чаевых (информант пожелал остаться неизвестным) [Там же].

«Дама подшофе» пытается предстать «опытной», самодостаточной, всезнающей и всемогущей: *Был у меня такой случай. Стою на стоянке у гостиницы «Саранск» — подходит женщина лет сорока. Сразу замечаю: малость подшофе. Говорит: «Съездим за пивком — я заплачу. Я в первый раз у вас в городе, не знаю где что». Тут магаз за углом — проблем нет. Повез. Она вышла из магазина, несет пива мне и себе, садится и говорит: «Покатай по городу, экскурсию проведи». И дает 1000 рублей. А мне какая разница! Покатал, на сколько хватило денег. Приятно так поболтали. Она пивко тянула, я так ... разговор поддерживал. Приехали в гостиницу, говорит: пошли ко мне. ... Я пытаюсь отшутиться: работать, мол, надо, деньги сами в руки не приходят. А она достает 3000 и говорит: этого хватит? Блин ... Я не смог ... Хотя была мысль пойти ... Сказал, что жена ревнивая, дознается — прибьет. И уехал. Может, и зря* (Зап. от Акашкина Н. В., 1978 г.р.) [Там же].

«Дама подшофе» ведет себя аморально (отношение трикстера к этическим нормам, как известно, тоже амбивалентно). Ее поведение вызывает у таксиста внутреннее осуждение, поскольку она открыто демонстрирует свое «животное начало», она обуреваема похотью, присущей представителям «первобытного мира», зачастую прибегает к соблазну и выставляет себя «гиперсексуальной» и «ненасытной», готова выступить инициатором и проявить активность: *Пьяные женщины — это вообще туши свет! То пристают, то просят поцеловать. Фу, бл*ть. Меня морозит от таких существ. Вот буквально вчера была заявка: две дамы хотели «водителя, жаждущего любви». Так и указали в заявке. Обещали двойной тариф. Мальчишки поржали, и ... не поехали. Бабы хуже мужиков, ей богу!* (информант пожелал остаться неизвестным) [Там же].

В-четвертых, «подвыпившая дама» пребывает в состоянии игры, самозабвенно увлекаясь ею. Маска развратительницы позволяет ей скрыть подлинную сущность и на короткое время (в рамках маршрута) окунуться в мир своих тайных иллюзий и желаний, потерять связь с реальностью, переступить через надоевшие запреты и обязательства перед родителями, мужем, детьми и т. д. Реальное время и пространство для нее перестают существовать, но сама игра не имеет единого сценария и может закончиться непредсказуемо, что также сближает её с трикстером, который «не всегда выходит победителем из затейной игры и может попасть впросак, став жертвой собственной хитрости, если созданная им иллюзия ... не убедительна» [Гаврилов, 2006, с. 172]: *Есть и у меня такая история. Вез тетку. Пока вез, она пыталась гладить меня по бедру и лезла обниматься. Запах перегара, голос прокуренный, блузка растягнута. Все было бы хорошо, если б ей было тоже не лет 50. Мы расставались под угрозы о заявлении об изнасилова-*

ниш, слезы и уговоры пойти на чашечку кофе. Люблю эту сторону своей работы (информант пожелал остаться неизвестным) [Там же].

В-пятых, «дама подшофе», равно как и трикстер, соединяет в себе противоречивые качества: с одной стороны, она самоуверенна и «выступает как Старый мудрец», с другой, она беззащитна и наивна в своем намерении понравиться незнакомому мужчине, изменить женскую судьбу столь рискованным образом и вызывает ироничное сочувствие у опытного и выдавшего виды работника сферы услуг: *Приехал как-то по вызову к «Сонате». Выходит одна красотка. Породистая такая, сумочка, каблочки, все дела. Только на ногах еле стоит. Села. Везу. Она, конечно, трепаться начала. Жизни учить. Типа как надо с женищинами обращаться. И так это с намеком, что баба ласку любит, подарки, комплименты ... Я слушаю. Мне что остается? Она мне вопросы задает: «Вот вы своей жене внимание оказываете? О любви говорите ей?» Я смеюсь. Она королева такая, учит: руки почаще целуй, цветы покупай ... Короче, бред всякий несет ... Подъезжаем — у подъезда мужик. Как оказалось, муж ее. Подбегают. Дверь открыл и за волосы ее вытаскивает: «Напоролась, б***! Марш домой!» Вот тебе и цветы, и комплименты ... Эх! Смешной народ эти пьяные бабы!* (Зап. от Канаева О. В., 1977 г.р.) [Там же].

Необходимо отметить, что мифологический трикстер как двойник «культурного героя» традиционно совершает путь, представленный обрядами перехода: исход — инициация — возвращение. На наш взгляд, подобная мифологическая «формула», конечно, в ее сниженном виде, вполне соотносима с современным трикстером — «дамой подшофе»; своеобразным «исходом» для нее становится постепенное погружение, говоря словами М. М. Бахтина, в «зону фамиллярного контакта» с водителем такси; «инициацией» — пребывание в «ином мире» в маске хозяйки судьбы, «возвращением» — финал поездки, когда героиня-трикстер вынуждена вернуться к реальности.

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, проанализировав устные рассказы представителей профессионального сообщества таксистов, мы пришли к следующим выводам.

(1) В байках таксистов сложился персонаж-трикстер «дама подшофе», наделенный рядом устойчивых черт. Добавим, что возрастные рамки трикстера — 25—45 лет. Возраст определяет вкусы и запросы взбалмошной пассажирки. Те, кто моложе, более склонны к куражу и одурачиванию водителя. Они обладают завышенной самооценкой, идут на поводу своих капризов, демонстрируя ограниченность и примитивность суждений.

Главное для них — сам кураж, игра, своеобразное «шоу», в котором они чувствуют себя и «режиссерами», и непосредственными участниками. Молодые дамы не любят платить и ищут всевозможные способы сэкономить деньги (готовы сбежать при любом случае, расплатиться оказанием интимных услуг, закатить скандал, угрожать расправой ревнивого мужа, друзей «бандитов», полиции и т. д.).

(2) Дамы постарше посредством откровенных разговоров, заигрывания с водителем, провокацией его к сексуальным отношениям пытаются, во-первых, представиться моложе, бесшабашнее и доступнее; во-вторых, стремятся использовать момент в свою пользу, получить эмоциональную и физическую разрядку, почувствовать себя на миг желанной, сексуальной, востребованной, а потом, не испытывая угрызений совести, начисто об этом забыть. Оба типа «дамы подшофе» фактически знаменуют собой культурную и поведенческую лиминальность, демонстрируя пограничную «нравственность», неразличение (нередко — и полное их отсутствие) этических норм, равно как и фольклорные трикстеры, они «втягивают» адресанта в зону «вольного, фамильярного контакта» [Бахтин, 1990, с. 165], создают особый фамильярный дискурс.

Отношение водителей такси к этим двум типам мало чем отличается: «пьяненькая дамочка» любого возраста вызывает одновременно и безразличность, и любопытство, и желание избавиться от такого пассажира как можно скорее, и попутно использовать ситуацию в своих целях, и смех, и недоумение, и сочувствие.

Источники и принятые сокращения

1. АА — *Архив* авторов.

Литература

1. *Ахраменко К. В.* Профессиональный фольклор военных штурманов / Е. В. Ахраменко // Профессиональный проект : идеи, технологии, результаты : научный журнал. — Челябинск : АНО НОЦ «Со-Действие», 2013. — № 4 (13). — С. 123—127.
2. *Бахтин М. М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / М. М. Бахтин. — 2-е изд. — Москва : Художественная литература, 1990. — 543 с. — ISBN 5-280-00710-2.
3. *Беденко Г. Б.* Боги, герои, мужчины архетипы мужественности / Г. Б. Беденко. — Москва : Класс, 2005. — 315 с. — ISBN 5-86375-060-X.
4. *Березкин Ю. Е.* Трикстер как серия эпизодов / Ю. Е. Березкин // Труды факультета этнологии. — Санкт-Петербург : ИДПО «Европейский университет в Санкт-Петербурге», 2003. — С. 97—164.
5. *Гаврилов Д. А.* К определению трикстера и его значимости в социокультурной реальности / Д. А. Гаврилов // Первая Всероссийская научная конференция «Философия и социальная динамика XXI века проблемы и перспективы», 15 мая 2006 г [материалы]. — Омск : СИБИТ, 2006. — С. 359—368.

6. *Гаврилов Д. А.* О функциональной роли Трикстера. Локи и Один как эддические трикстеры / Д. А. Гаврилов // Вестник Традиционной Культуры : статьи и документы. — 2005. — Выпуск 3. — С. 33—59.
7. *Гаврилов Д. А.* Трикстер. Лицедей в евроазиатском фольклоре / Д. А. Гаврилов. — Москва : Социально-политическая мысль, 2006. — 239 с. — ISBN 5-902168-72-4.
8. *Гаврилов Д. А.* Трикстер в период социокультурных преобразований : Диоген, Уленшпигель, Насреддин / Д. А. Гаврилов // Experimentum-2005 : сборник научных статей философского ф-га МГУ / под ред. Е. Н. Мошелкова. — Москва : Социально-политическая мысль, 2006. — С. 166—178.
9. *Гекман Н. А.* Трикстер в русской демонологии / Н. А. Гекман // Идеи и идеалы. — 2010. — № 3 (Ч. 2). — С. 10—16.
10. *Даркевич В. П.* Народная культура средневековья / В. П. Даркевич. — Москва : Наука, 1988. — 344 с. — ISBN 5-02-009399-8.
11. *Ершов М. Ф.* Исследование мифического пространства : трикстер, трансгрессия и превращенные формы / М. Ф. Ершов // Грамота. — 2020. — Т. 13. — Выпуск 8. — С. 81—86. — DOI: 10.30853/manuscript.2020.8.13.
12. *Кереньи К. К.* Трикстер и древнегреческая мифология / К. Кереньи // Трикстер. Исследование мифов североамериканских индейцев с комментариями К. Г. Юнга и К. К. Кереньи. — Санкт-Петербург : Евразия, 1999. — С. 242—264.
13. *Комиссарова У. А.* Образ трикстера в модернистской и постмодернистской романной традиции (М. А. Булгаков, Б. Акунин) : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / У. А. Комиссарова. — Москва, 2019. — 178 с.
14. *Лихачев Д. С.* Смех как «мировоззрение» / Д. С. Лихачев // Смеховой мир Древней Руси Ленинград : Наука, 1976. — С. 7—71.
15. *Магазинова А. С.* Воплощение образа Трикстера в персонажах литературы, кино и мультипликации / А. С. Магазинова // Научный форум : Филология, искусствоведение и культурология : сборник статей по материалам XII международной науч.-практ. конф. — Москва : Издательство «МЦНО», 2018. — № 1 (12). — С. 37—43.
16. *Мелетинский Е. М.* Предки Прометея (Культурный герой в мифе и эпосе) / Е. М. Мелетинский // Вестник истории мировой культуры. — 1958. — № 3 (9). — С. 114—132.
17. *Мелетинский Е. М.* Поэтика мифа / Е. М. Мелетинский. — Москва : Наука, 1976. — 407 с.
18. *Осьмухина О. Ю.* Специфика авторской стратегии Бориса Акунина : жанровый аспект / О. Ю. Осьмухина // История русского литературного процесса XI—XXI вв. и закономерности его развития / Электронный сборник статей по материалам III Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции. — Чебоксары : Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева, 2016. — С. 133—139.
19. *Петрова Л. А.* Коммуникативные черты Трикстера в фольклорных образах героя-дурака / Л. А. Петрова, А. А. Лиходедова // Коммуникативные исследования. — 2018. — № 4 (18). — С. 222—232. — DOI: 10.25513/2413-6182.2018.4.222-232.
20. *Пропп В. Я.* Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Пропп. — Ленинград : Издательство Ленинградского университета, 1986. — 366 с.
21. *Радин П.* Трикстер. Исследование мифов североамериканских индейцев с комментариями Г. Юнга и К. Кереньи / П. Радин ; пер. с англ. В. В. Кирющенко. — Санкт-Петербург : Евразия, 1999. — 286 с. — ISBN 5-8071-0028-X.

22. Самойлова В. Е. Трансформация образа трикстера в современной массовой культуре : автореферат диссертации ... кандидата философских наук : 09.00.14 / В. Е. Самойлова. — Санкт-Петербург, 2013. — 28 с.

23. Тмарченко Н. Д. Трикстер / Н. Д. Тмарченко // Поэтика : словарь актуальных терминов и понятий. — Москва : Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. — С. 271—275. — ISBN 978-5-903955-01-5.

24. Топоров В. Н. Образ трикстера в Енисейской традиции / В. Н. Топоров // Традиционные верования и быт народов Сибири XIX — начало XX вв. : сборник статей. — Новосибирск : СО АН СССР, ИИФиФ, 1987. — С. 5—23.

25. Троицкий С. Трикстер : у истоков смеховой культуры / С. Троицкий // Докса. — 2008. — № 13. — С. 101—108.

26. Тростина М. А. Профессиональный фольклор медицинских работников / М. А. Тростина, К. Н. Шишканова // Modern Humanities Success / Успехи гуманитарных наук. — 2020. — № 12. — С. 230—234.

27. Фрейденберг О. М. Поэтика сюжета и жанра / О. М. Фрейденберг. — Москва : Лабиринт, 1997. — 448 с. — ISBN 5-87604-108-4.

28. Щепанская Т. Б. Фольклор профессиональных сообществ : приметы / Т. Б. Щепанская // Первый Всероссийский конгресс фольклористов : сборник докладов. — Москва : Государственный республиканский центр русского фольклора, 2006. — Т. 2. — С. 405—427. — ISBN 5-86132-055-1.

29. Юнг К. Г. Архетип и символ / К. Г. Юнг. — Москва : Ренессанс СП ИВО-Сид, 1991. — 304 с. — ISBN 5-7664-0462-X.

30. Юнг К. Г. Душа и миф : шесть архетипов / К. Г. Юнг. — Киев : Государственная библиотека Украины для юношества, 1996. — 384 с. — ISBN 5-89441-002-9.

31. Юнг К. Г. Психология образа трикстера / К. Г. Юнг // Трикстер. Исследование мифов североамериканских индейцев с комментариями К. Г. Юнга и К. К. Кереньи. — Санкт-Петербург : Евразия, 1999. — С. 265—286.

32. Васок-Abrahams B. A. Tolerated Margin of Mess The Trickster and His Tales Reconsidered / B. A. Васок-Abrahams // Journal of the Folklore Institute. — 1975. — Vol 1113. — Pp. 147—186.

33. Hyde L. Trickster Makes This World : Mischief, Myth, and Art / L. Hyde. — New York : Farrar, Straus and Giroux, 2010. — 434 p.

34. Hynes W. J. Mythical Trickster Figures Contours, Contexts, and Criticism / W. J. Hynes, W. J. Doty. — Tuscaloosa : University of Alabama Press, 1993. — 265 p.

35. Tannen R. S. The Female Trickster : The Mask That Reveals, Post-Jungian and Postmodern Psychological Perspectives on Women in Contemporary Culture / R. S. Tannen. — London : Routledge, 2007. — 306 p. — ISBN 9781315787718.

Material resources

Archive of authors. (In Russ.).

References

Akhramenko, K. V. (2013). *Professional folklore of military navigators. Professional project: ideas, technologies, results: scientific journal*, 4 (13). Chelyabinsk: ANO REC “Co-Action”. 123—127. (In Russ.).

Vasok-Abrahams, B. A. (1975). Tolerated Margin of Mess The Trickster and His Tales Reconsidered. *Journal of the Folklore Institute*, 1113: 147—186.

- Bakhtin, M. M. (1990). *Tvorchestvo Francois Rabelais and folk culture of the middle ages and the Renaissance*. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura. 543 p. ISBN 5-280-00710-2. (In Russ.).
- Bedenko, G. B. (2005). *Gods, heroes, men archetypes of masculinity*. Moscow: Class. 315 p. ISBN 5-86375-060-X. (In Russ.).
- Berezkin, Yu. E. (2003). *Trickster as a series of episodes. Proceedings of the Faculty of Ethnology*. Saint Petersburg: IDPO “European University at Saint-Petersburg”. 97—164. (In Russ.).
- Darkevich, V. P. (1988). *Folk culture of the Middle Ages*. Moscow: Nauka. 344 p. ISBN 5-02-009399-8. (In Russ.).
- Ershov, M. F. (2020). The study of mythical space: trickster, transgression and transformed forms. *Gramota*, 13 (8): 81—86. DOI: 10.30853/manuscript.2020.8.13. (In Russ.).
- Freudenberg, O. M. (1997). *Poetics of plot and genre*. Moscow: Labyrinth. 448 p. ISBN 5-87604-108-4. (In Russ.).
- Gavrilov, D. A. (2005). On the functional role of the Trickster. Loki and Odin as Eddic tricksters. *Bulletin of Traditional Culture: articles and documents*, 3: 33—59. (In Russ.).
- Gavrilov, D. A. (2006). Determining the trickster and its significance in the socio-cultural reality. In: *The First all-Russian scientific conference “Philosophy and social dynamics of the XXI century: problems and perspectives”, may 15, 2006 [material]*. Omsk: SIBIT. 359—368. (In Russ.).
- Gavrilov, D. A. (2006). Trickster in the period of socio-cultural transformations: Diogenes, Ulenspiegel, Nasreddin. In: *Expenmentum-2005: collection of scientific articles of the Philosophical Faculty of Moscow State University*. Moscow: Socio-political Thought. 166—178. (In Russ.).
- Gavrilov, D. A. (2006). *Trickster. The Actor in Eurasian folklore*. Moscow: Socio-Political Thought. 239 p. ISBN 5-902168-72-4. (In Russ.).
- Gokman, N. A. (2010). Trickster in Russian demonology. *Ideas and Ideals*, 3 (2): 10—16. (In Russ.).
- Hyde, L. (2010). *Trickster Makes This World: Mischievous, Myth, and Art*. New York: Farrar, Straus and Giroux. 434 p.
- Hynes, W. J., Doty, W. J. (1993). *Mythical Trickster Figures Contours, Contexts, and Criticism*. Tuscaloosa: University of Alabama Press. 265 p.
- Jung, K. G. (1991). *Archetype and symbol*. Moscow: Renaissance SP IVO-SiD. 304 p. ISBN 5-7664-0462-X. (In Russ.).
- Jung, K. G. (1996). *Soul and myth: Six archetypes*. Kiev: State Library of Ukraine for Youth. 384 p. ISBN 5-89441-002-9. (In Russ.).
- Jung, K. G. (1999). Psychology of the trickster image. In: *Trickster: A study of the myths of North American Indians with comments by C. G. Jung and K. K. Kerényi*. St. Petersburg: Eurasia. 265—286. (In Russ.).
- Kerényi, K. K. (1999). Trickster and ancient Greek mythology. In: *Trickster: A study of the myths of North American Indians with comments by C. G. Jung and K. K. Kerényi*. St. Petersburg: Eurasia. 242—264. (In Russ.).
- Komissarova, U. A. (2019). *The image of the Trickster in the modernist and postmodern novel tradition (M. A. Bulgakov, B. Akunin)*. PhD Diss. Moscow. 178 p. (In Russ.).
- Likhachev, D. S. (1976). Laughter as a “worldview”. In: *The Laughing world of Ancient Russia*. Leningrad: Nauka. 7—71. (In Russ.).

- Magazinov, A. S. (2018). Embodiment of the image of Trickster characters in literature, film and animation. In: *Scientific forum: Philology, art history and cultural studies: a collection of articles on materials of the XII international scientific and-pract. Conf., 1 (12)*. Moscow: Publishing house "MCNO". 37—43. (In Russ.).
- Meletinskii, E. (1958). Ancestors of Prometheus (Cultural hero in myth and epic). *Bulletin of the history of world culture*, 3 (9): 114—132. (In Russ.).
- Meletinsky, E. M. (1976). *The poetics of myth*. Moscow: Nauka. 407 p. (In Russ.).
- Osmukhina, O. Y. (2016). Specifics of Boris Akunin's author's strategy: genre aspect. In: *The history of the Russian literary process of the XI—XXI centuries and the patterns of its development / Electronic collection of articles based on the materials of the III All-Russian (with international participation) scientific and practical conference*. Cheboksary: I. Ya. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University. 133—139. (In Russ.).
- Petrova, L. A., Likhodedova, A. A. (2018). Communicative features of the Trickster in folklore images of the hero-fool. *Communicative research*, 4 (18): 222—232. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.4.222-232. (In Russ.).
- Propp, V. Ya. (1986). *Historical roots of a fairy tale*. Leningrad: Leningrad University Press. 366 p. (In Russ.).
- Radin, P. (1999). *Trickster. A study of the myths of North American Indians with comments by G. Jung and K. Kerényi*. St. Petersburg: Eurasia. 286 p. ISBN 5-8071-0028-X. (In Russ.).
- Samoylova, V. E. (2013). *Transformation of the trickster image in modern popular culture*. Author's abstract of PhD Diss. St. Petersburg. 28 p. (In Russ.).
- Shchepanskaya, T. B. (2006). Folklore of professional communities: omens. In: *The First All-Russian Congress of Folklorists: a collection of reports, 2*. Moscow: State Republican Center of Russian Folklore. 405—427. ISBN 5-86132-055-1. (In Russ.).
- Tamarchenko, N. D. (2008). Trickster. In: *Poetics: dictionary of actual terms and concepts*. Moscow: Kulagina Publishing House; Intrada. 271—275. ISBN 978-5-903955-01-5. (In Russ.).
- Tannen, R. S. (2007). *The Female Trickster: The Mask That Reveals, Post-Jungian and Post-modern Psychological Perspectives on Women in Contemporary Culture*. London: Routledge. 306 p. ISBN 9781315787718.
- Toporov, V. N. (1987). The image of the trickster in the Yenisei tradition. In: *Traditional beliefs and way of life of the peoples of Siberia of the XIX — early XX centuries: collection of articles*. Novosibirsk: SB of the USSR Academy of Sciences, IIFiF. 5—23. (In Russ.).
- Troitsky, S. (2008). Trickster: at the origins of the laughing culture. *Doxa*, 13: 101—108. (In Russ.).
- Trostina, M. A., Shishkanova, K. N. (2020). Professional folklore of medical workers. *Modern Humanities Success / Successes of the humanities*, 12: 230—234. (In Russ.).